

Василий Сенкевич

О "Том", или архаические и исторические аспекты исследования языка

Przegląd Wschodnioeuropejski 1, 477-492

2010

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ВАСИЛИЙ СЕНКЕВИЧ
Akademia Podlaska w Siedlcach

О «ТОМ», ИЛИ АРХАИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

1.1. В устной речи и произведениях художественной литературы нередко приходится встречаться с местоименным выражением «не то». В русской литературе с «не тем» особенно часто сталкиваются герои произведений Л.Н. Толстого.

К н я з ь Н е х л ю д о в (роман «Воскресенье»). В XXIII разделе 2 главы, занимающем 3 страницы, выражение „не то” встречается 7 раз: *Так что семейная жизнь оказалась ещё более «не то», чем служба и придворная должность. Более же всего «не то» было его /князя Нехлюдова /отношение к религии. Он думал, что он верит, но между тем больше, чем в чем-либо другом, он всем существом сознавал, что эта вера его была что-то совсем не то. [...] Он больше чем когда-нибудь почувствовал всё это «не то», и ему стало мучительно грустно.* (Толстой)

И в а н И л ь и ч («Смерть Ивана Ильича») ...Ему /Ивану Ильичу/ вдруг пришло в голову: *а что, как и в самом деле вся моя жизнь, сознательная жизнь, была «не то» [...] Ему пришло в голову, что те его чуть заметные поползновения борьбы против того, что наивысшие поставленными людьми считалось хорошим, [...] – что они могли быть настоящие, а остальное всё могло быть не то. И его служба, и его устройства жизни, и его семья, и эти интересы общества и службы – всё это могло быть не то [...]*

...Её одежда, её сложение, выражение её лица, звук её голоса – всё сказало ему одно: «Не то. Всё то, чем ты жил и живёшь, – есть ложь, обман, скрывающий от тебя жизнь и смерть» [...]

«Да, всё было не то, – сказал он себе, – но это ничего. Можно, можно сделать «то». Что ж «то»? – спросил он себя и вдруг затих.

...И ему открылось, что жизнь его была не то... (Толстой)

О т е ц С е р г и й («Утро помещика»). Выражение «не то» связывается с «высшим чувством». *И он /отец Сергей/ покачал головой. «Нет, это не то. Это обман. Но других я обману, а не себя и не бога. Не величественный я человек, а жалкий, смешной». [...]*

То со всей прелестью неизвестного юное воображение его представляло ему сладострастный образ женщины, и ему казалось, что вот оно, невыраженное желание. Но какое-то другое, высшее чувство говорило не то и заставляло его искать чего-то другого. То неопытный, пылкий ум его, возносясь всё выше и выше, в сферу отвлечения, открывал, как казалось ему, законы бытия, и он с гордым наслаждением останавливался на этих мыслях. Но снова высшее чувство говорило не то и снова заставляло его искать и волноваться. [...] Вдруг, без всякой причины, на глаза ему навернулись слёзы, и, бог знает каким путем, ему пришла ясная мысль, наполнившая всю его душу, за которую он ухватился с наслаждением, – мысль, что любовь и добро есть истина и счастье, и одна истина и одно возможное счастье в мире. Высшее чувство не говорило не то. [...] Любовь, самоотвержение – вот одно истинное, независимое от случая счастье!» – твердил он, улыбаясь и размахивая руками. Со всех сторон прикладывая эту мысль к жизни и находя ей подтверждение и в жизни и в том внутреннем голосе, говорившем ему, что это то, он испытывал новое для него чувство радостного волнения и восторга. (Толстой)

Выражения «не то (та)», «не тот» употребляет В. Высоцкий применительно к жизненной суете: *Убеждать и доказывать с пеной у рта, Что – не то это всё, не тот и не та!; Повторю даже в образе злого шута, – Но не стоит предмет, да и тема не та, – Суета всех сует – всё равно суета. (Высоцкий)*

Профессор Ф.М. Янковский употребляет выражения «тое», «нятое» в связи со словом:

Выпісаў радкі і ўбачыў, што тут, мабыць, горшае за неасцярожнае слова. Тут – зусім «нятое» слова [...] Хіба па-беларуску? Не. Вельмі «нятое», вельмі «нятыя словы»! І я ж чытаю, слухаю. Бачу, чую слова і я. Яно бывае халоднае, абьякавае, «штампаванае». Сустрадаецца «нятое», «вельмі нятое слова». Ці добра, ці трэба: «патрэбна па гаспадарцы», «клопаты па дачы»? Ці тое тут слова?¹

1.2. Распространение отмеченных местоименных выражений в дискурсивной речи и, особенно, в тексте, наводит на мысль о существовании в языке/речи понятийной и, по всей вероятности, фундаментальной категории, манифестирующейся дихотомией «то – не то». Возникает ряд вопросов: Какая реальность стоит за отмеченной дихотомией? К какому

¹ Ф.М. Янкоўскі, *Само слова гаворыць. Філалагічныя эцюды. Абрэскі. Артыкулы*, Мінск 1986, с. 29.

контексту (интенциональному – контексту мнения – или экстенциональному, т.е. именованному) принадлежат названные местоименные выражения? Как их интерпретировать? Почему ощущение и осмысление ценности (или антиценности) связано именно с «тем» (а, скажем, не с «этим»?).

1.2.1. На первый взгляд может показаться, что выражения *то*, *не то* в употреблённых ранее текстах указывают на какое-то соответствие-несоответствие: *не то* – значит ‘несоответствующее’. Однако мнение о семантике соответствия-несоответствия *того-не того*, думается, будет ошибочным. Правомерно допустить, что местоимение *то* выражает здесь не соответствие, а возведённое в абсолют подобие, т.е. т о ж д е с т в о: *то – то* <самое> (ср.: пол. *tożsamość*, бел. *атаясаміць* – от сочетания *той самы*). О тождестве *того* свидетельствует его частое употребление с частицей *же*: *Вроде – всё как всегда: то же небо – опять голубое, Тот же лес, тот же воздух и та же вода... Только – он не вернулся из боя* (Высоцкий). *Подальше, на гумне, слышались те же голоса, тот же скрип колёс и те же жёлтые снопы, медленно продвигавшиеся мимо забора...* (Толстой). *На привокзальной площади всё те же цветы в железных ведрах, те же зелёные такси* (Алексин).

Восприятие человеком мира и себя в нём связано с категорией тождества. Человек остаётся самим собой, хотя в разные периоды земного странствия его облик меняется до неузнаваемости: *Всё та же и я, но нет во мне ни любви, ни желания любви, И он всё тот же, только глубже морщины между бровей, больше седых волос в его висках, но глубокий внимательный взгляд постоянно заволочен от меня тучей* (Толстой); бел. *Я пазіраў на яго і думаў: няўжо гэта той самы чалавек? Быць не можа!* (Колас) – *Вяртаюся, дзверы адчыняю, а тут ужо не тое. Не тое* (Кусянкоў). *Не пазнаеш зямлі і вясковых людзей – не, не тыя, не тыя яны* (Колас).

1.2.2. Тождество – категория текучей, непрерывно становящейся субстанции, противопоставленной статичной и правильной форме «Тождество есть категория бесформенной субстанции *sub specie* (класса), реже оно устанавливается по отношению к индивидуальным объектам»². Виртуальная субстанция предстаёт как неопределённое «что-то»: *Что-то здесь не то. Что-то в нем есть*; бел. *Штосьці ў карціне было не тое. Мацак каторы раз ужо адчуваў гэта «не тое», здавалася, мог нават памацаць яго* (Кажадуб).

² Н.Д. Арутюнова, *Тождество или подобие?*, в: *Проблемы структурной лингвистики*, Москва 1983, с. 4.

Субстанциальная сущность тождества проявляется в его связи с субстанцией криптиативного по сути смысла (не значения!) – смысл не в «этом», смысл в «том»: *Весь смысл звёзд в том, что они – тайна! Весь смысл снов в том, что они – тайна! Весь смысл цветов в том, что они – тайна! Весь смысл дерева в том, что оно – тайна! Весь смысл любви в том, что она – тайна* (Райс). В высказывании фокус смыслового контраста нередко приходится на *то*: *Триста лет под татарами – жизнь ещё та: Маэта трёхсотлетняя и нищета* (В. Высоцкий): бел. – *Гэта ў яго сябры Мікола і Валерка? Мікола яшчэ той паганец, дзе толькі ні рабіў, што толькі ні зведаў.* (Кажадуб) *А цяпер ёй [Прэне] на выгляд было гадоў дваццаць – яна, як кажуць, «видала виды»!* *Дзеўка яшчэ тая, і адсюль яе раскаванасць.* (Федарэнка) *Лабарантка Лена – пляткарка яшчэ тая. Няхай толькі што даведаецца, адразу раззвоніць* (Супрунчук).

Тождество – исходный момент категоризации мира:

Когда бы человеку приходилось запоминать все индивидуальные различия и особенности объектов, то в его голове для каждого самого обычного объекта, например, дерева, камня, коня, должны были бы сохраняться тысячи индивидуальных обликов, а само мышление было бы необыкновенно трудным и останавливалось бы на конкретном уровне. Однако на самом деле зарегистрированные нами впечатления сливаются в некоторые средние итоги: человек мыслит дубом, берёзой, хотя видел на своем веку эти объекты тысячу раз в разных состояниях.³

Тождество – необходимая предпосылка абстрактного мышления. В «Метафизике» Аристотель сформулировал закон мышления: нельзя вообще ничего мыслить, «если не мыслить каждый раз нечто о д н о...»⁴. Кроме того, существует необходимость в сохранении одного и того же смысла, одних и тех мыслей. О наднациональности смысла и «единым фонде человеческих мыслей» писал, в частности, Г.Фреге:

В наше время люди склонны преувеличивать утверждение, что разные языковые выражения никогда не являются целиком эквивалентными, что слово никогда не может быть точно переведено на другой язык. [...] Я хотел бы подчеркнуть, что разные выражения очень часто имеют нечто единое, что я называю *смыслом* или, в ситуации с высказыванием – *мыслью*. Иначе говоря, мы должны признать, что тот же смысл, та же самая мысль могут быть по-разному выражены. Возможно, одно высказывание более информативно, чем другое: при всём разнообразии языков человечество имеет *единый фонд мыслей*. Когда бы любая модификация выражения

³ И.М. Сеченов, И.М., *Элементы мысли*, Москва–Ленинград 1943, с. 155.

⁴ Н.И. Кондаков, *Логический словарь-справочник*, Москва 1976, с. 597.

запрещалась, потому что это будто бы влечет изменение смысла, модальная логика была бы парализована; потому что задача такой логики вряд ли может быть реализованной, если не допускать возможности распознавания *той же самой мысли* под разными масками.⁵

Тождество – главная составляющая духовной культуры человечества:

Каждое человеческое существо, – отмечает М.Борн, – уже в самом раннем детстве получает способность отличать и распознавать объекты. Поэтому мир человека является не калейдоскопичным рядом чувственных впечатлений, а осмысленной, непрерывно меняющейся ареной событий, где каждая реальность сохраняет свою идентичность, несмотря на происходящие с ней перемены. Эта способность пренебрегать разностью эмоциональных впечатлений и отмечать их как нечто одно представляется мне наиболее выразительным моментом нашей духовной культуры.⁶

1.2.3. Разную интерпретацию и осмысление и находит идея тождества в языке/речи. Прежде всего, тождество понимается как неизменность мира и его составляющих: *Тот же был старый покровский дом со своею террасой со сдвижным столом и фортепьяном в светлой зале. (Толстой) А всё то же: тот же сад виден в окно, та же площадка, та же дорожка, та же скамейка вон там над оврагом, те же соловьиные песни несутся от пруда, те же сирени во всём цвету, и тот же месяц стоит над домом: а всё так страшно, так невозможно изменилось! Так холодно всё то, что могло быть так дорого и близко (Толстой).*

В неизменном самом по себе мире вечно происходят перемены, однако при всех переменах нечто остается одним и тем же, т.е. не изменяется – не трансформируется (преобразовывается) в другое. Существует фундаментальное различие между изменениями, приводящими к другому, и происходящими переменами, когда нечто, несмотря на разные модификации, в качественном смысле остаётся тем же самым, т.е. сохраняет тождество. Изменения предполагают различия, перемены – тождество. О тождестве выражений в речи свидетельствует сокращение «т.е. – то есть»⁷, относящее высказывание в экстенциональных контекст, называемый иначе «контекстом замены равных».

⁵ Цит. по: Р.И. Павилёнис, *Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка*, Москва 1983, с. 42–43.

⁶ М. Борн, *Физика в жизни моего поколения*, Москва 1963, с. 281.

⁷ Отметим, что экстенциональному рус. *то есть (т.е.)* в белорусском языке ставится в соответствие интенциональное *гэта значыць (г.зн.)*. Однако, интерпретация не определяет значение слова, а раскрывает смысл понятия.

Идея неизменности *«того»* и преходящести всего остального в шутливом тоне обыгрывается, например, в «образке» писателя Н.И. Сенкевича:

Немаладыя кум з кумою добра пагулялі на вяселлі хрэснікавага сына і ў найлепшым настроі, адны на возе, вяртаюцца дахаты. Пад'ехалі да ўзлесся. Кума гарэзна пад бок:

– *Ой, ці помніш, Іване? Вось ён, той дуб, ды тая каліна.*

Кум як не чуе.

– *А жалуды мулкія былі, якраз цяперашняя пара, – не супакойваецца жанчына.*

Маўчанне ў адказ.

Пад'ехалі яшчэ бліжэй. Кума, падсунуўшыся:

– *Той самы дуб, тая самая каліна, – і шлёпае спадарожніка па калене.*

Мужчына са скрухаю ў голасе:

– *Той самы дуб, тая ж каліна, ды не тая піцюрына.*

Так і паехалі далей (М. Сянкевіч // Не толькі жартам. «Заря», 22.07.2003).

Восприятие тождества эмоционально интерпретируется в речи серией просторечных выражений: бел. – *Думай не думай, адна трасца! – перабіў яе [Сароку] нечы безнадзейны басок...* (Мележ) *Раптам сказаў: – Што людзі, а што вераб'і – адзін чорт.* (Супрунчук) – *І сам сабою выявіўся такі гібрыд, якому адзін хрэн што нішчыць – хоць воўну, хоць сінтэтыку.* (Кусянкоў) – *А, фраеры, адна кантора, адна хеўра, – крычаў у роспачы Мірык...* (Супрунчук) *Поп, земскі начальнік, прыстаў, спраўнік – гэты, брат, усё адна шайка!* (Колас) *Але ён [Серафім] тут жа адвергнуў гэты варыянт: стары Кротаў абавязкова выдасць яго Марку. Яны – адна шайка-лейка.* (Асіпенка) – *Нездарма ж людзі гавораць: муж і жана – адна сатана (Гігевіч); – Што рабіў, што не рабіў – адна халера...* (3 разм.).

Являясь категорией субстанции, тождество интерпретируется носителями языка амбивалентно – проявляет ориентацию и на добро, и на зло: рус. *одна сметана (+), одни мышцы (+), одни профессора (на кафедре) (+),* однако: *один песок (-), одна глина (-), одна вода (-), одна кожа да кости (-), один нос торчит (-), одни глаза остались (-),* и т.п.; *И решило тогда правительство отказаться от независимости и пойти под Россию. Одни деньги, один бюджет, одни налоги, одни горячие точки.* («Народная воля») бел. – *Што вы, – Толя адчайна, як перад расстрэлам, расхрыстаў грудзіну. – Во – адна сінтэтыка. Лаўсан (Адамчык).*

Наиболее часто местоимением *тот* внушается идея утилитарной непригодности вещи, неразумности чего-либо: бел. *Яны [сябры] насцярожана перагаворваліся: – Не будзем яго чапаць, няхай задушыцца тымі пацёркамі...* (Канановіч). *Гуты ведалі тыя хітрыкі. – Ды хай яны сперхнуць тыя макотры. Я ўжо забыўся на іх (Каліна). Што ордэн той!*

Рыззё, быдлё! Медаль Героя захавала: Усе ж тут золата сваё (Панчанка). – Кажу ёй, начарта табе тыя грошы?(Ліпскі) – Давай тую маю лайбу? – хуценька перабіў сястру ранены (Каліпа). – А тут я раптам адкінуў прэч тое дурное (Кусянкоў).

1.2.3.1. Местоимения *то, тот, та* являются типизирующими единицами: тип – «*тот*»: бел. *Асцярожна, хлопцы той тып небяспечны, – на хаду папярэдзіў адзін дружынік (Хадкевіч). То* – констатируемый факт. В научной речи: рус. *Тот факт, что материальные объекты могут находиться в относительном покое...* и т.п. *То* – всегда де-факто, т.е. оно объектно, а не субъектно. Виртуальное *то* в речи может сопровождаться эмпирическими индивидуализирующими описаниями: бел. *Цярэшка ззяе вачыма. Перад ім адзін з «тых» – з Еўропы. Чорная вопратка, белы каўнер, бліскучая лысіна, рудая бародка, вочы свінкса. (Бядуля) Грамадзянка! Грамадзянка! Выпіхніце яе, не давайце ёй... Каму ёй? Вунь той, з каўнуном на галаве! (Бондар) – Уся вёска гаворыць, што вы з той, цыглай у белых итоніках, бегалі да Васіля. (Шахавец) – Хлопцы! Калі вы не хочаце, каб тая, у жоўтым, качка, праглынула жыўцом вашага начальніка, хутчэй едзьце (Гаўрылкін).*

Фактографическая констатация осуществляется через перифрастическую идентифицирующую дескрипцию – «*то, что...*», «*тот, кто...*». Так, Янка Брыль в рассказе «Не блытаць» вспоминает инцидент, произошедший на выпускном вечере с одним из выпускников, который не согласился с Папой и намеревался встать перед ним с колен. Потом о нём говорили: «*Гэта той, хто захацеў устаць перад святым айцом!...*» («*Полымя*»). Перифрастическая дескрипция является субститутом собственного имени: – *Иван Иванович дома? – А кто его спрашивает? – Тот, кто ему звонит (шутл.).* В перифразе реализуется субститутивный механизм – ср. пол. «*to samo inaczej*»).

Идентифицирующие дескрипции включают момент интерпретации и применяются в просторечной категоризации: категоризуя объекты, мы так или иначе интерпретируем их: рус. *Карандаш, мел, ручка – это то, чем пишут; Вафли, печенье, торт – это то, что покупают, а не пекут дома;* К интерпретации прибегают тогда, когда название референта неизвестно говорящему или забыто: бел. *Ці у вас прадаюцца тыя цятрадзі, дзе ставяць двойкі? (Брыль) Як называюць тое месца, дзе мы ўчора былі?* и т.п.

«Наш язык отягощён интерпретациями или теориями относительно окружающего мира. Всё, что мы принимаем за факты, есть уже теория: то, что мы «знаем» об окружающем мире, – есть наше объяснение его».⁸

⁸ Ф.А. Хаек, *Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма*, Москва 1992, с. 185.

1.2.3.2. Констатирующая дескрипция не обладает именным (перформативным) статусом – она только косвенно свидетельствует, а не прямо выражает⁹. Именно потому контексты с «тем» избегают имён собственных. «Тот» не обладает правом на имя – *Што той... зноў поўзае, ці што? – памаргаўшы, асцярожна спытаў ён; Валеру ж вунь не выганяюць... – нібы сама сабе расказвала маці. – Жаницца, тая – хвалілася ў магазіне, скоро будзе... Адзін ты!; – Я раструбіла?! Я маўчала як тая рыба ў пельцы! Гэта ж тая, на пошце, прачытала тваё пісьмо (Маці мела зуб на Надзю паштальёнку) (Федарэнка). – А тая? Пацыентка, табою памянённая? Манашка прыблудная? – не пакідала ўзятага тону Стэфа (Бондар). – Сюды забягае. А дахаты ніколі...Тая... з якой ён, цяперака унь у роддоме. (Марчук) Высунулася галава: – А што ж той? – «Той» – гэта малады ветэрынар, які заступіў Бычкова месца (Хлебановіч). А вёска спакваля загарыла, што гэта яе мужык – ды з дзвюма, з ёй самой і з той... (Брыль). – Без гэтага нагана я хто? Проста фурман, які з мяне спрос... А як пярэймуць тыя, а ў мяне наган? Ураз да сасны прьставяць (Місько). Павер, вельмі не пакутавала, што ён аддае свае ласкі не мне, а той (Далідовіч). Гэта ж столькі часу мінула, калі ты пакінула запіску і пайшла з тым (Далідовіч). – Ты ж, я ведаю, і пальцам не кранеш, каб дапамагчы сыну роднай сястры – Той – смаркач, хоць і мой пляменнік. Дапамагчы яму – значыць сапсаваць хлопца (Прокша).*

Местоимение *той* способно сочетаться с перифразированным (переименованным) именем собственным: – *Ето шчэ Карл Маркс вучыў: пралетарам няма чаго цяраць, а набудуць яны цэлы свет... – Карп! Карп той – адно, а тут – другое! – прарвала Сароку (Мележ).*

1.2.3.3. Через «то», в речи свидетельствуется прецедентность (лац. *praecedens* – идущий впереди). «То» не указывает на случай, который был в прошлом, а отсылает к акту, происходившему в минувшем – к нему умозрительно возвращается говорящий в презентативном настоящем. С помощью «того» преподносится популярная теория вырождения: «сейчас не то», «то уже в прошлом»: – *Цяпер, праўда, не тое, што раней... (Кажадуб) – Мелкія зараз хлопцы пайшлі. Паглядзіш – вышэй бацькі выцягнуліся, а на губах малако не абсохла (Ягоўдзік). – Гэта кепска і тое дрэнна, сяго не відаць, а калі і ўбачыш, то яно не тое, бо раней і трава расла зелянейшая, і цукар быў куды саладзейшы ды больш белым, і сонца*

⁹ Идею перформативного тождества выражает идентифицирующее личность как субъекта права местоимение «Я»: тот есть «Я», кто произносит «Я». С местоимения «Я» собственно и возникает юридическая по сути категория имени (*potina* – закон, ср.: *Именем закона...*).

леши свяціла (Карпюк). «Няма таго, што раньш было», – часта пошла, а часта і трапна абыграе народ славу ты радок паэта... (Асташонак).

В прецедентном «том» нет повторения; в нём воскрешается в памяти происходившие ранее (не в прошлом!) – предшествующие состояния, события, люди: *Не выкинуть из памяти ту ночь... «Та ночь» может проходить и со знаком «+», и со знаком «-».* В прецедентном объективирующем «том» обычно звучит отчуждающая коннотация, когда речь идёт о врагах, пришельцах, посторонних: бел. *Гэтыя папойкі пачалі наладжваць Гуты. Яны былі віною, што тыя «инапснікі» пачалі хадзіць па хатах і патрабаваць акрамя яек, масла, качак, гусей і таго инапсу – самагонкі; – Аранжарэя? Была, была калісьці. За польскім часам. За Саветамі... І за тымі швабамі (Каліпа). Калі прыедуць тыя чужыныцы ў вёску, ніхто не знаў (Марчук). – Як чаго? Дык гэта ж Коля Крапівін, той гад лягавы, якому я морду набіў (Хомчанка). – Не помню, з раныцы ці ўдзень прыйшоў да нас той немец (Арабей). – Не ўберагла... – адказала, як застагнала... – Прадалі тыя вылюдкі. Гуты; – Але дзе ты дагоніш тых нелюдзяў; – А нашто ж тым нехрысціям, немцам, было наша, хрышчонае? (Каліна). – Што гэта ў нас робіцца. Людзі хочуць выконваць свой свяшчэнны абавязак, а тыя сабатажнікі ім у гэтым адмаўляюць (Асіпенка). Наліха было гаварыць, хто ён? Выпытала пра ўсё і знікла. Можэ, адной хеўры, што і той руды капітан (Асіпенка) Тапіць трэба тых галавачоў! Разам з гарбачовымі ды слюньковымі. (Петрашкевіч). Адказаў той лысы: – Адпусціць цябе не магу. Прадасі нас (Асіпенка). – Уставай, Язэпка, – шаптаў Даніла. – Таго злыдня і след прастыў (Асіпенка).*

1.2.3.4. Идея тождества в речи нередко сопутствуется смыслом самости: *то есть то самое* (ср. простореч. рус. *само то*, бел. *атаясамленне*, пол. *tozsamonyj*). Д. Юнг понимал самость как «исходное состояние интегрального организма», как «архитипичную фигуру человеческого потенциала», «единство личности как целого». В философии Хайдегера слово *самость* обозначало бытие «Я» (само-бытие, т.е. сущее, способное произнести: «Я»)¹⁰.

В обыденной речи употреблением местоимения *сам* актуализируется момент субъектно-правового статуса лица, его именитость: бел. *Сам Банадысь, высокі, у новым кажущу, ішоў побач з канём (Чорны). А бацька, глядзячы на сына, думаў: «От арол. Самому Мікалаю Мікалаевічу пярэчыць, ды яшчэ як закручвае» (Грахоўскі). – Ну, а дзе сама Марына Паўлаўна? (Зарэцкі); рус. Сам граф подушку поправлял, медвежьёю полость в ноги слал (Некрасов). Сам приехал (Островский).*

¹⁰ *Новейший философский словарь*: 3-е изд., исправл., Минск 2003, с. 871.

Самостью наделены лица главенствующие и почтенные: бел. – *Перадайце трубку самому дырэктару* (Крапіва). – *Ой, хоць бы ўжо хутчэй сам прыйшоў. Сам – гэта, канечне, бацька* (Сяркоў). Самостью привносится в высказывание номинативно-уточняющий контрастивный смысл «именно», «не кто иной, как...»: рус. *Вы сами знаете давно, что вас любить не мудрено* (Пушкин).

Самость интерпретируется как внешняя беспричинность – феномен мира, в котором нет производного другого, не действует закон причины и следствия, т.е. всё происходит самостоятельно (ср.: пол. *sam* «bez widocznej przyczyny»). Широкий выход получает самость в сферу номинативной деривации: бел. *самавар, самадзельны, саматужны, самавіты, самавучка, самагон, самагуб, самаабарона, самаадукацыя, самазванец* и т.п.

В осмыслении самости проявляется межъязыковая амбивалентность: бел. *самавіты* ‘поўны дастатку, эканамічна моцны, заможны’, *не самавіты* ‘які выражае непаўнату або адсутнасць якой-небудзь якасці’. *На санках не паедзеш, дарога ўжо не самавітая* (Кулакоўскі); ‘не зусім добры; дрэнны’, ‘які не заслугоўвае пахвалы, адабрэння’ *Несамавіты ўчынак*. (ТСБМ) Синонимы несамовитости – *неразвітасць, нерэалізаванасць, непазітыўнасць, кволасць, недадужнасць, нягегласць*. В польском языке, наоборот: *niesamowity* ‘sprawiający wrażenie czegoś niezwykłego; niepokojący, budzący lęk’ *N. widok. N–e zdarzenie; ‘bardzo duży, nadzwyczajny’ N. upał* (WSPR)¹¹.

1.3. Фактически смысл «одного и того же» сводится к категории «ничего (никого)» <больше>. Так, понятие предельного «ничего» актуализируется в употреблении названий разного рода субстанций: рус. *Врагу ничего не останется, одна вода* (Кожедуб); бел. – *Там жа адна пыха, у іхнім Гомелі...; – А што з яго [бурака]? Жмых адзін! – уздыхнуў Лаўрэн* (Карпюк). *Нос востры і ўвесь твар – адно рабацінне* (Чорны). *І любяць жа [Жэнька і Света] брусніцы. Адна кісля, а яны ядуць* (Пташнікаў). *Буйную рыбу прадалі, асталося адно смецце* (Ракітны). – *А кормяць як... – сказаў хлапчук з Чэрвеня, – адны памы! (Якімовіч). – Чаване басота вас – склізь пацячэ! Адна склізь будзе!.. (Мележ).*

1.3.1. Категория «ничто» является базовой категорией выражения и интерпретации ИСТИНЫ. Вопрос Пилата Христу «*Что есть истина?*» – вопрос риторический. Истина есть *Ничто* – ни *это*, ни *это*, ни *это*... Истина не допускает видения – «чтойности». Определить, что такое *то* (*То* – *это*...) невозможно. Нельзя сказать, что оно такое, т.к. оно не бывает «таким» – оно само по себе. Его формула – Ничто. К субстанциальному

¹¹ WSPR – *Wielki słownik polsko-rosyjski*, 2005.

истинному «ничто» и привязано наше ощущение ценности: – *Как дела?* – *Ничего.* – *Ну если что такое, звоните?* – *Что случилось?* – *Ничего.* (– *Как ваше «ничего»?*). *Między nami nic nie było!* (Adam Asnyk).

Истинное понимается как то, что есть (ср. *т.е.* – то есть). Этимологом слова *истина* является глагол *есть*. В современной лингвистике наиболее вероятной признаётся этимология слова *истина* В.М. Топорова, отмечающего извечность смысла ‘тот самый, именно тот’ в связи с местоименной конструкцией **is-to*, эквивалентной лат. *iste, ista, istud* ‘тот, именно’¹². «Утверждения тождества, даже если они явились итогом эмпирического открытия, составляют необходимую истину»¹³. «Бытие свидетельствует только о том, что оно есть; меньше, беднее ничего нельзя сказать о предмете, как то, что он есть...»¹⁴. Нельзя сказать, что оно/бытие/есть, т.к. сказанное превращает его в образ-представление-концепт, однако можно в меру собственной компетентности сформулировать к а к оно называется или как имя ему.

Тождественное принадлежит не отражению действительности, а восприятию мира. Именно в процессе восприятия мы разграничиваем «то» (истинное, настоящее) и «не то» (фальшивое, поддельное), (ср.: «*Что-то здесь не то...*»). *Не то* – иное, несущественное, находящееся вне закона. Частица *не* в выражении «*не то*» не выполняет функцию логического определяющего отрицания – роль её ограничительная. Подобное употребление встречаем в выражениях «*Не убий*». «*Не пожелай...*», «*Не лжесвидетельствуй*», которыми устанавливается Закон, не допускающий проявление «не того». Всякий закон есть ограничение. Идея ограничения (отграничения) проявляется в выражениях, возникающих по контрастивной модели «Не + сущ.»: *не сахар, не фонтан, не фунт изюма, не Рио-де-Жанейро* и т.п.

1.3.2. Бытие презентуется в языке номинативно – 1) дескриптивным названием, когда речь касается бытия объекта, и 2) собственным именем, когда речь идёт о бытии субъекта. Сущность вещи (объекта) и субъекта (личности) – их закон – схватывается именем и формулируется им. Собственное имя – формула субъекта, название – формула объекта (вещи).

¹² В.Н. Топоров, *О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа*, “Вопросы языкознания” 1960, № 3, с. 44–59.

¹³ S. Kripke, *Identity and necessity*, in: *Naming, necessity and natural kinds*, Ithca, 1977, s. 107.

¹⁴ А.И. Герцен, *Письма об изучении природы*, в: *Избранные философские произведения*, т.1, Москва 1948, с. 150.

Идея тождества субъекта воплощена в его «Я». «Я есть подтверждение, сознание своего тождества с собой, снятие души и тела, как противоположных, единством личности...»¹⁵. С «Я» происходит категория имени. Идеалистическая философия, а за нею и русская грамматика 40-50-х годов XIX в. видела в акте самосознания «я», в возникновении местоимения 1-го лица зарождение самой категории имени:

Я, ты, он бесспорно относятся к имени. В грамматиках же наших слова эти называются местоимениями. Хотя очень странно вообразить *я, ты* местоимениями – вместо какого имени употребляются они? – но, однако, самое слово местоимение указывает на разряд имени.¹⁶

1.3.3. Имя – категория не историческая, а архаическая. *Архэ* (греч. *arché*) – термин древнегреческой философии, имеющий значение не начала, а исхода (ср. *начать* и *приступить*). Функциональное историческое *это* имеет начало и конец, а развивающееся архаическое *то* – только происхождение. Происхождение (рождение) не является началом, а только *архэ* – отправным пунктом. Происхождением (а не историей!) слов занимается этимология. Одни слова имеют историю образования – мы их называем производными словами. Однако есть слова (точнее – номинации), которые не образовались, а произошли – буквально «*пошли от...*». Мы спрашиваем «*Откуда пошло название?*» и выдвигаем разные этимологические версии. Вопрос «*Как образовалось?*» по отношению к тому, что «*произошло от...*», будет некорректным.

1.3.3.1. В современном языкознании этимология причисляется к историческим дисциплинам. Определяя одно со значений термина *этимология* А.Н. Трубачёв отмечает, что этимология является разделом исторического языкознания, посвящённого исследованию «первоначальной словообразовательной структуры слова и выявлению элементов его древнего значения»¹⁷. В подобном понимании этимологии не разграничиваются термины *история* и *происхождение*. История – это знания обо всём, что было. Археология предусматривает сведения о том, что происходило (ср. рус. *было* и *прошло*, пол. *było-mineio*). История творится кем-то – то, что происходит, происходит само. Так, некорректным будет вопрос: «*Что делает дерево?*». Корректно спросить: «*Что с ним*

¹⁵ Там же, с. 133.

¹⁶ Цит. по: В.В. Виноградов, *Русский язык (Грамматическое учение о слове)*, Москва 1986, с. 267.

¹⁷ О.Н. Трубачев, *Этимологические исследования и лексическая семантика*, в: *Принципы и методы семантических исследований*, под ред. В.Н. Яревой, Москва 1976, с. 154.

происходит?» – растёт, т.е. находится в состоянии роста. Позитивный смысл «находиться в состоянии» является базовым для номинативных фиксаций тех или иных проявлений реального мира. Выражение «археология языка» имеет такое же право на существование, как и выражение «история языка». *Археология языка* – перифрастическое название этимологии.

1.3.3.2. Придание этимологии исторического статуса противоречит исходному пониманию данной дисциплины, идущему от Платона. Известно, что этимология как наука развилась из древнего гносеологического спора: 1) имена вещей не случайные, они соответствуют природе вещей (Парменид, Гераклит); 2) имена вещей случайные и не имеют ничего общего с сущностью вещей, они являются результатом соглашения между людьми (Демокрит)¹⁸.

Греческое слово *etymologia* выразительно очерчивает круг интересов данной науки: *etymon* – истина, *logos* – слово, учение. Наука *этимология* испокон понималась как наука, связанная с истиной, воплощённой в артикулированной единице речи.

Имя – реальность речи. С именами, как и со всеми реальными феноменами, происходят перемены, касающиеся из звукового облика. В связи с такими переменами возникает задача найти первородный (истинный) облик имён и соотносить его с идеями, удачно (или неудачно) воплотившимися в формуле имени или именного выражения.

Понимание истинного как «того, что есть» позволяет принять забытую трактовку этимологии Платоном. С точки зрения Платона, этимология – это создание с помощью слова истинной (а не правильной!) модели вещи. Намерение этимологии – заключить, насколько точно имя «угадывает» суть вещи. Этимология – дело ежедневной практики людей, создающих неологизмы. Поэты, создавая выражения, оценивают их звучание, «вкус» и даже «запах», для того, чтобы решить, насколько полно они выражают смысл вещей, насколько удачным является то или иное название.

С этимологической практикой (в платоновском понимании) встречаемся, например, в произведениях Ф.М. Янковского во всех ситуациях его медитации (размышления) над номинативной единицей: *Ці добра, ці трэба: ...«Добраўка, Дараўка [...] І не пустамолы, не якія балбатуны далі такія назвы вёскам – Добраўка, Дараўка!» Венера! ...Не слова, а свята! ...А Мілавіца? – Што гэта? – Не ведаеш? Народная назва зоркі Венеры. – Праўда? Хораша! Яно такое роднае і далікатнае; Інфарматар не захачеў (не скажу: не ўмеў) пачуць назву вёскі Гары-вада (Янковский).*

¹⁸ А.М. Камчатов, Н.А. Николина, *Введение в языкознание*, 2-е изд., Москва, 2000., с. 62.

1.3.3.3. Из платоновского понимания этимологии следует, что её объектом является не анализ образования слова в языке (это предмет словообразования), а исследование того, как и откуда оно произошло, поиск и открытие базового этимона (мотива).

Несомненно, что за выражениями «слово образовалось» и «слово возникло (произошло)» стоят разные словообразовательные и деривационные механизмы языка. В случае производного слова говорится о способе образования, словообразовательном средстве, о включении слова в определённую словообразовательную парадигму. Например, слово *самолёт* образовано способом основосложения посредством интерфикса *-о-*. В основу образования производного слова положен дифференциальный видовой признак – «сам летает». Такой признак есть признак «сказанный», т.е. предикцированный предмету. Семантика производного слова формируется в предикативной основе предложения. Производное слово не называет, а обозначает предмет, представляя его в языке.

Иное дело – возникновение номинативной единицы. Акт возникновения номинации полностью противоположен механизму словообразования. Непроизводная номинативная единица является результатом моделирования (перенимания) реальности. Модель конструируется не образом, а подобием. В номинации проявляется стремление говорящего не только назвать реалию, но и так или иначе её интерпретировать. Название заимствуется из текста или звучащей речи. Оно воплощает в себе идею или мотив реального явления, исходя из которых, реалия воскрешается в памяти во всей своей тотальности. Отдельные зафиксированные черты напоминают о реалии, бывшей в предыдущем перцептивном опыте носителя языка. Понятно, что с течением времени мотив может затеряться, и тогда возникает необходимость в этимологических поисках.

Акт рождения топонимической номинации описывает, например, Ф. Янковский:

Дзялілі панскую зямлю [...]. Дзялілі і думалі: а як назавуць свой пасёлак? Называлі і адразу ганьбавалі, а то – і абсмейвалі, адкідалі. Знарок сышліся, каб знайсці слова, ужо на трэці свой сход.

Прышоў на сход і малады настаўнік, родам з суседняй вёскі хлопец. Падцэліўся, калі ўсе змоўклі, і пытаецца:

– Давайце і я падумаю. Як толькі падшукаю, каб пасёлак назваць, скажу сам. Згода? – запытаўся ў пасялкоўцаў.

– А як жа! – ажывіліся сяляне. Паўтаралі слова «згода».

– То як?

– Згода!

– Лепей і не прыдумаеш. Каму ні скажаш – усякі запомніць.

- Не Сварка якая, не Хутар які.
- Як толькі чуць што – Згода, бо згода!

Настаўнікавае пытанне стала назваю. Гаваркою, чалавечаю, далікатнаю (Ф. Янкоўскі, Згода).

В приведенном фрагменте отмечается, что название искалось, а не выбиралось. Возникновение номинативной единицы – акт деривации (от лат. *dérivation* – отведение), который не основан на сознательном выборе, а исходит из интуитивного поиска. Поиск – категория информатики (*информационный поиск*), а не семиотики.

Деривационный акт является не волевым действием, а умственной операцией. Деривация понимается как процесс возникновения в языке вторичных единиц, которые могут быть интерпретированы с помощью единиц, принимаемых за исходные – выведенные из них путём реализации тех или иных операций¹⁹. Работа оператора – является всегда работой «во имя»: элиминируется несовпадающее с сутью (бытием) явления во имя сохранения того, что остаётся («*Называлі і адразу ганьбавалі, а то – і абсмейвалі, адкідалі*»).

Существенно то, что возникшая в результате деривационного акта номинативная единица понимается не как производная, а как выводная. Она не образовывается на основе исходной единицы, а выводится из неё, базируется на ней. Номинативная единица всегда имеет собственную деривационную легенду (не историю!), которая отсутствует у производного слова. Задача этимолога и состоит в том, чтобы «раскопать» подобную легенду для всякой рассматриваемой номинативной единицы.

В нашем примере произнесённое учителем выражение «*Згода*» и одноименный топоним «*Згода*» находятся между собой в связи, называемой номинативной деривацией. Исходная единица составляет деривационную базу возникновения номинативного деривата.

«*Те*» или «*не те*» слова не являются предметом словообразовательного анализа – они объект этимологических поисков. Процедура анализа к ним неприемлема, потому что их сущность синтетическая – они реальность текста. Такие единицы не принадлежат действительности, в которой действует закон причины и следствия – связи между ними не причинные, а вероятностные. Они не произведённые (сделанные), а порождённые, т.е. не «образованы от..», а «происходят из...». В них не отражается действительность, а удачно (или неудачно) схватывается сама сущность реалии, её Закон – архаическое и современное его состояние.

¹⁹ Лингвистический энциклопедический словарь, гл. ред. В.Н. Яреца, Москва 1990, с. 129.

Выводы. В исследованиях языка/речи доминирующую методологическую роль играет разграничение исторического и архаического аспектов. Подобное разграничение связано с противопоставлением мира, взятого самого по себе в актах восприятия реальности носителями языка, и действительности как таковой, образно отражённой в зеркале рефлексивного языкового сознания. Реализованные в языке акты категоризации реальности базируются на фундаментальной для языка и речи категории тождества. Опора на названную категорию создаёт текстопорождающий аспект речевой деятельности, противопоставленный производному дискурсу. Составляющими текста являются синтетические единицы, возникающие в результате актов номинативной деривации и обнаруживающие этимологическую релевантность.

**On “That”, or Archaic and Historic Aspects of Language Studies.
Equivalence, Sense, Ambivalence, Verity, Nomination, Historic, Archaic Derivation**

The article explores ontological prerequisites of the manifestation and localization in language/discourse of the category of identity as a fundamental notion of human activity constituting existential contexts of language usage. The article discusses pragmatic senses embodied in various textual usages of the pronoun *that*. The article emphasizes the importance of this pronoun and the identity senses manifested by it in creation of the language nominative base, including both, descriptive objectively oriented statements (periphrasal descriptions) and performative units (proper names and expressions). Identity is seen as the initial point of the categorization of the world through language, which is the attempt to unify numerous impressions of reality, as the essential and dominating prerequisite of abstract thinking opening the way to reduce various manifestations of supranational thinking substance to an average – the one, as the major component and the most expressive element of human spiritual culture embodied in various kinds of texts. The preservation of identity is connected with the category of truth, which is a fundamental category for understanding and interpreting the real world and a basic category of perception and record of phenomenal manifestations of reality nominatively fixed in a language. There is a relation between the act of nominative identification of reality phenomena with etymologic aspects of linguistic facts interpretation with co-reference which is a phenomenon common in non-discourse speech of referential identity. The etymologically relevant language phenomena connected with archaisation are contrasted with numerous historic changes of linguistic forms that systematic and functional linguistic elements undergo in the process of their functioning.